

len ľudom s tvorivým myslením. Veľmi málo ju potrebujú tí, čo si necenia myslenie.“ Berďajev veril, že po období pohrúženia do materiálnej stránky života sa začne obdobie s dominanciou duchovnosti. Veril, že ríša ducha zvíťazí nad ríšou cisárovou.

O komunistárnosti, kolektívizme a sobornosti sa dozvedáme zo VII. kapitoly, ktorá sa usiluje o jasnú charakteristiku týchto troch substantív. Komunistárnosť je podľa Berďajeva duchovná vlastnosť ľudí, komunikácia a bratstvo vo vzťahoch ľudí. Kolektívizmus charakterizuje ako nástroj vlády – a za ním sa skrýva vôľa k moci. Sobornosť v podaní tohto filozofa znamená vysokú kvalitatívnosť vedomia. Berďajev sa bál kolektívizmu – vnímal ho ako „jednoplánovosť“ nepretvárajúcu tento svet na Kráľovstvo Božie, ale na priestor bez Boha. Týmto sa filozof dostáva k protirečeniam marxizmu. Píše o ňom ako o doktríne, ktorá sa už prekonala a stratila na svojej teoretickej a poznávacej hodnote.

V kapitole Protirečenia marxizmu podrobujú prísnej kritike marxistickú doktrínu, označuje ju za demagogický nástroj propagandy a agitácie. Presne pomenúva črty marxizmu charakteristické pre náboženstvo. Marxizmus, ktorý tak intenzívne vyzdvihoval slobodu, ju prakticky negoval. Berďajev však nevystupuje vo vzťahu k marxizmu ako kritik, ktorý by nebol schopný vidieť aj pozitívna kritizovaného javu. Uznával, že v marxizme bola čiastočná pravda. Uznával aj nevyhnutnosť sociálnej revolúcie vo svete. Želal si len, aby bola čo najmenej násilná a krutá. Ako človek veriaci sa obával negatívneho vplyvu marxizmu na ríšu Ducha.

O jednote ľudstva a o probléme nacionalizmu hovorí Berďajev v predposlednej kapitole. Nasťuje v nej nepochybne citlivú otázku nacionalizmu, ktorý označuje za zjavnú chybu marxizmu. Oproti tomuto javu stavia pojem nacionálnosti a píše o ňom ako o pozitívnej hodnote obohacujúcej život ľudstva.

Filozofa Berďajeva zaujímala otázka večného a nového človeka. V tomto hľadaní sa prejavil ako realista – bez akýchkoľvek zbytočných a neplodných vízií. Neveril, že revolúcie môžu pri niesť radikálnu zmenu v myslení ľudí. Zastával názor, že „*Nový človek je skutočne novým človekom, je realizáciou večného človeka, ktorý v sebe nosí obraz a podobu Božiu.*“ (s. 124) Kapitulu uzatvára tvrdením, že ríšu Ducha nemožno podriaďiť ríši Cisárovej. Také bolo jeho presvedčenie.

Záver knihy je venovaný tragédii ľudskej existencie a problému utópie. Berďajev konštatuje, že celá tragika života pochádza z konfliktu konečna a nekonečna, časnosti a večnosti, z nezhody medzi človekom ako duchovnou bytosťou a človekom ako prírodnou bytosťou žijúcou v prírodnom svete. Vyriešenie tragického pocitu v ľuďoch je, podľa Berďajeva, možné len kresťanskou vierou vo vzkriesenie. Sám verí vo víťazstvo ríše Ducha nad ríšou Cisárovou.

Útla knižka Nikolaja Alexandroviča Berďajeva poskytuje veľa tém na zamyslenie, hľadá odpovede na otázky, ktoré sa týkajú každého z nás. Je kontinuitou s jeho staršou prácou *Duch a realita* z roku 1937. Odvtedy vyšla vo francúzštine, nemčine, španielčine, japončine a iných jazykoch. Súčasnosť z pohľadu napísaného nie je ničím novým – zdá sa, že platí a zrejme bude platiť ono známe nihil novi sub sole.

Spisovateľ zomrel 23. 3. 1948 v Clamarte pri Paríži. Jeho spis *Ríša Ducha a ríša Cisárova* vyšla posmrtno v roku 1949. K nášmu čitateľovi sa dostáva vďaka vydavateľstvu Kalligram, ktoré ju ponúklo v uplynulom roku a zaiste si aktuálnosťou nosných myšlienok nájde medzi čitateľskou verejnosťou svojich priaznivcov.

Marta Kováčová

ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ВКЛАД В ОБЛАСТЬ КОМПАРАТИВИСТИКИ

Зельдгейн-Деак, Жузанна: Роль немецкого посредничества в венгерской рецепции русской литературы (XIX век). Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik, B. 46. München, Otto Sagner 2004.

Выше приведенная монография известного венгерского русиста и компаративиста Ж. Зельдгейн-Деак, сотрудничавшего долгие годы с брненским Институтом славистики, лишним раз подтверждает высокий уровень бамбергского издательского центра во главе с проф.

Петром Тиргеном. Последовательница компаративистического метода покойного академика М. П. Алексеева, тщательно изучившая русскую литературу 19-го века, особенно И. С. Тургенева, в течение многих лет занимается также проблематикой теории и истории художественного перевода и критического восприятия русской литературы за рубежом. В обсуждаемой монографии она выходит за рамки бинарного исследования, сосредоточившись на проблематике иностранного посредничества, употребляемого в переводе, как правило, мало известных языков. А именно таким был в Венгрии в 19-м веке русский язык. Естественно, что в рамках одного государства с центром в Вене, эту роль выполнял прежде всего немецкий язык. Аналогичная обстановка после йосефинских декретов в 80-х гг. 18 века, когда немецкий стал официальным государственным языком, была также в Чехии. (Систематическая германизация вызвала в Венгрии, как и у славян, возрожденческое усилие сохранить и очистить язык своей родины. Результатом венгерского возрождения был систематический пуризм, вследствие которого исчезли даже европеизмы. По тем же причинам в венгерских школах долго сохранялись также латынь; еще в 40-е гг. 19-го века преподавалось в университете по-латыни.) Французский – дипломатический язык Европы – был языком дворянства и верхушки интеллигенции. Часть переводчиков, особенно тех, которые переводили также с французского, пользовалась французским посредничеством. Автором доказывается, что с 20-х вплоть до 80-х гг. 19-го века для венгерских переводчиков таким посредником были прежде всего немецкие переводы русской классики.

Ж. Зельдхейи-Деак распределила весь процесс венгерского восприятия русской литературы в три этапа: 1) 1820–1840-е годы; 2) 1850–1860-е гг.; 3) 1870–рубеж XIX–XX веков. Обратив внимание на то, что в отличие от славян, живших в Габсбургской монархии, которых с Россией объединяло языковое родство и политические иллюзии, в Венгрии, как и в Австрии, господствовало опасение перед Россией и искаженное представление о славянах, входивших также в состав Венгрии. Политические представители страны поэтому не были заинтересованы в узком контакте с Россией, характерном прежде всего для Чехии и Праги – колыбели славистики. Враждебное отношение венгерского дворянства к абсолютизму Габсбургов сопровождалось антипатией к деспотизму царизма, о котором чехи узнавали с опозданием и нехотя.

Для научного стиля Ж. Зельдхейи-Деак характерен критический подход к изучаемой проблематике, основанный на глубоком знании данной эпохи. Она обращает внимание на преувеличенную оценку влияния русской литературы на формирование венгерского реализма, которое встречалось в венгерской научной литературе в конце 1940-х гг. На самом деле в 30-е – 40-е годы 19 века были в Венгрии, как и в Чехии, популярны прежде всего романтические произведения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, а также историческая проза Булгарина. Автор подчеркивает коренную разницу между контактами немецкой среды с русскими писателями, многие из которых учились в Германии и Венгрии, где таких отношений не было. Однако информация о карамзинской *Истории государства Российского* появилась в венгерской прессе сразу же после немецкого издания *Истории* в 1820–1827 гг. С конца 20-х гг., в годы враждебного отношения Венгрии ко всем славянам, выдающиеся деятели венгерской культурной жизни и переводчики Ференц Тольди-Шедель и его ученик Габор Казинци, пишущие также о соседних народах, стали печатать обзорные статьи о русской литературе. Интересно, что среди источников их критических статей встречается также по-немецки написанная статья чешского ученого Я. Э. Пуркине. Ж. Зельдхейи-Деак уделяет внимание венгерской теории перевода, которой первым занимался в 1787 г. известный поэт Янош Бачани, а вслед за ним упомянутый теоретик романтизма Ференц Тольди, подчеркивающий, что переводы обогащают язык принимающей литературы. Аналогию убежденности Тольди в «национальном характере перевода» автор находит у Белинского, а также у немецкого теоретика перевода Ф. Шлейермахера. Принцип адаптации имел в Венгрии своих сторонников еще в 60-е годы 19-го века. Однако один из классиков венгерской поэзии Янош Арань, блестящий переводчик Шекспира, одновременно выступал против крайностей псевдонародного подхода к оригиналу, подчеркивая, что его мысль и форму необходимо сохранять. Его же перевод гоголевской *Шинели* (1861) изобилует многими диа-

диалектизмами, которых нет ни в оригинале, ни в немецком переводе. Переводчик, таким образом, чувствовал себя соавтором.

Учитывая политическую обстановку в Венгрии, Ж. Зельдхейи-Деак обращает внимание на то, насколько осторожно нужно было соблюдать возможности печати, особенно после подавленного восстания в 1848 г. Герценовская статья *О развитии революционных идей в России* могла тогда быть переведена и напечатана лишь в сильно сокращенном виде с пропусками упоминаний о декабристах или о ссылке Пушкина.

Интересно сопоставление печатных произведений русской литературы в Венгрии и Чехии того времени. Многие переводчики и критики пользовались теми же работами немецких переводчиков и критиков, каким был напр. Боденштедт. Однако печатание переводимых произведений не проходило параллельно. В то время, как в Чехии долго печатались лишь отдельные части лермонтовского *Героя нашего времени*, а книжное издание целого романа осуществилось лишь в 1879 г., в Венгрии был роман переведен с немецкого выдающимся поэтом Яношем Вайдой уже в 1855 г. (первым чешским переводом Лермонтова была *Тамань*, переведенная параллельно двумя переводчиками, пользовавшимися немецким /M. Lambl, Květy, 1844/ и польским /J. S. Tomíček, Česká včela, 1844/ посредничеством). Ж. Зельдхейи-Деак подробно анализирует также критическое восприятие творчества Лермонтова в Венгрии. Интересно, что оценка лермонтовского романа в статье Ласло Араня (1866), сына великого венгерского поэта Яноша Араня, соответствует мнению царя Николая I, резко осуждавшего лицо главного героя Печерина, противопоставляя ему хорошего солдата Максима-Максимича. Л. Арань считает весь роман ничтожным. Также из его недооценки *Тамбовской казначейши* явно, что романтическая ирония была ему чужда. В 1866 г. была в Венгрии издана первая антология русской поэзии и драматургии *Северное сияние*, куда вошли стихотворения, поэмы а драмы А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Братья Зилахи к этим жанрам обратились благодаря переводам и статьям Ф. Боденштедта, который пользовался большим уважением также в Чехии. На основании подробного сравнения русского оригинала с боденштедтовскими и венгерскими переводами Ж. Зельдхейи-Деак доказывает, что большая часть отклонений от оригинала произошла прежде всего в результате употребления немецкого посредничества. Боденштедтовский перевод *Евгения Онегина* произвел большое впечатление на поэта и известного переводчика Кароя Берци, переведившего роман сначала с немецкого перевода, но потом уже с русского оригинала (1866).

Большое внимание автор уделяет также венгерским переводам и критическому восприятию творчества И. С. Тургенева, которое стало проникать в Венгрию, как и в Чехию с конца 50-х гг. Ж. Зельдхейи-Деак обращает внимание также на непосредственное влияние *Евгения Онегина* и повести *Фауст* Тургенева на роман в стихах Имре Зилахи *Спящая любовь* (1867). (Ту же самую роль сыграл пушкинский роман также в чешской литературе, где чуть раньше возник стихотворный роман Густава Пфлегера Моравского *Пан Вышинский*, 1858.) Из тургеневских романов приобрело в Венгрии популярность прежде всего *Дворянское гнездо* (1862), которое было наряду с другими произведениями популярно также в Чехии, где благодаря выдающемуся критику Шальде высоко оценивался также роман *Новь*, который совместно с *Дымом* до сих пор иногда не дооценивается (напр. в Англии см. *Handbook of Russian Literature*, ed. by V. Teras, New Haven and London, 489). Его венгерское издание (1877), как и перевод романа Чернышевского *Что делать* (1877), сопровождалось утверждением во внелитературных целях – познакомить читателей с сутью русского нигилизма, который, по справедливому утверждению П. Тиргена, встречается уже до тургеневских *Отцов и детей* в повести Карла Гуцкова *Нигилизм* (1853).

Тургенев был популярным в Венгрии, как и на Западе, до середины 80-х гг., когда постепенно выдвигаются на передний план Достоевский и Л. Н. Толстой. Ж. Зельдхейи-Деак обращает внимание на первый заграничный перевод романа *Преступление и наказание* Достоевского, вышедший в 1882 г. под названием *Раскольников* и возбудивший всеобщий интерес. Однако, как и в Чехии, в Венгрии на рубеже столетий пользовался уважением прежде всего Л. Н. Толстой. Ж. Зельдхейи-Деак считает первый венгерский перевод *Анны Карениной* очень слабым. В связи с *Войной и миром* анализирует философскую и критиче-

skou деятельность почитателя Толстого, философа и критика Й. Г. Шмидта и личного врача Толстого словака Душана Маковицкого, сыгравшего роль также в Венгрии.

В заключение Ж. Зельдхейи-Деак уделяет внимание позднему проникновению Гончарова в Венгрию. Интересно, что венгерских журналистов поражала прежде всего щедрость русских гонораров, получаемых Гончаровым, что и напоминает аналогичные примечания К. Г. Махи в его дневнике в связи с тем, как оплачивался Пушкин.

Интересны также приложения к монографии Ж. Зельдхейи-Деак: в первом анализирует русская тема в романах Мора Йокан, во второй дается список венгерских писателей, поэтов и переводчиков. Это все, в том числе и заключительная библиография, свидетельствует о высоком уровне монографии Ж. Зельдхейи-Деак. Ее книга является также важным вкладом в изучение ареала средней Европы.

Danuše Kšicová

NEZBYTÍ VÍCE DOTYKŮ A SOUVISLOSTÍ

Česká literární kritika v dotyku se strukturalismem (1880–1940). Antologii sestavil, úvod a komentář napsal a edičně připravil Jiří Kudrnáč. Strukturalistická knihovna, sv. 15, Brno 2003, 262 s.

Výsostně oficiální a elitní (ve všech významech těchto slov) edice nakladatelství HOST Strukturalistická knihovna financovaná již léta z grantu Ministerstva kultury ČR a vedená redakční radou ve složení Jiří Trávniček, Miroslav Červenka a Miroslav Balašůk se rozšířila o další, velmi potřebný svazek odkazující k širším souvislostem českého strukturalismu. Brněnský literární vědec Jiří Kudrnáč, bohemista a anglista, znalec české moderny a skvělý editor se zde ujal úkolu, který podle mého soudu nesnesl odkladu: jedno z českých „rodinných střiber“ – strukturalismus – které je ve světě známo a uznáváno jen někde, potřebuje pevnějšího kontextového ukotvení (zkrácená podoba recenze na tuto knihu vyšla v časopise HOST 2004, č. 7, s. 70–71). Věren své zásadě stručnosti a hutnosti spokojil se Kudrnáč s drobným úvodem a jinak nechal mluvit studie samotné, ale také své komentáře. Nicméně právě v oné příslovečné konciznosti pregnančně postihl rozdíl v českém strukturalismu a jeho vnitřní typologii, stejně jako šíří metodologické souvislosti; upozornil současně na nespravedlivé odsouvání pozitivismu: *„Zároveň je nutno dodat, že hranice mezi pozitivismem, na němž zejména v současnosti někdy ulpívá nepatřičné ódium, a jejími přístupy, reprezentovanými v této antologii, probíhala často i uvnitř díla jednotlivých autorů a že jakýmsi protějškem pozitivismu v díle literárních historiků bylo žurnalistické referování v textech literárních kritiků. Pozitivismus ve své době sehrál v bádání o literatuře rozhodující úlohu, když vedl k rozsáhlému pramennému studiu, vědecké akripii a vytváření spolehlivé materiálové základny pro další práci.“* (s. 7) V tomto smyslu by bylo záhodno pohlédnout takto i na Pražský lingvistický kroužek, totiž na základě pramenného studia, i když základní rozdělení dle polarizace Mukařovský a ti druhí tu je naznačena.

Určitým problémem je sám název díla, totiž jeho nejednoznačnost: „dotyk“ je příliš obecným, širokým pojmem k vyjádření vztahu jednotlivých celebrit k strukturalismu; pojem „literární kritika“ je třeba – jak se zdá – chápat spíše v anglosaském významu „literary criticism“, tj. celá oblast bádání o literatuře; německý či středoevropský význam by byl pro to příliš úzký, neboť jde často o stati zřetelně literárněteoretické, někdy dílem i literárněhistorické povahy; slovo „české“ delimituje knihu jazykem a přínáležitostí k národní kultuře: právě zde může být také problém, neboť spojitost české literární vědy meziválečného období nevychází jen z německého formismu 19. století, ale souvisí s německou literární vědou i synchronně, totiž s tou, která se utvářela na německé části pražské univerzity. Bylo by asi třeba do jisté míry uzavřené antologické pojetí více otevřít i jiným, časově souběžným textům německým; tím by se osvětlilo i to, že tu byla nejen závislost, ale i rezistence: to je zřejmě příklad samotného Masarykova odklonu od metafyzické k tzv. empirické estetice anglosaského ražení, jak je v textech ukázáno.